

Десять листочков из тетради моей мамы

Жанр произведения: О войне

Произведение написал автор BookBox Dysha27

Ссылка на публикацию

Десять листочков из тетрадки моей мамы.

В 1938 году я закончила среднюю школу в селе Орехово Даниловского района Волгоградской области. Колхоз выделял школьникам телегу, а поскольку мама моя не была колхозницей, то я маленькая бежала держась за телегу, остальные дети сидели свесив ноги и смеялись. Часто ходили пешком, это семь километров туда и обратно. Заканчиваются занятия, и пошли мы стайкой домой, иногда машина какая-нибудь попутная подвозила. А потом отец купил мне велосипед и я довольная могла быстрее добраться до школы. А когда я закончила 7 классов, то в 8 класс пошла в станицу Островская, одна ходила, никто больше не согласился учиться. Помню весной было холодно, а я была в валенках мост через Медведицу залило водой и я перебрела по воде и вся мокрая вернулась в село Орехово. Там меня приютила тетка посушила на печке. В начале 1941 года к нам в школу приходили учителя и рассказывали об учебе в Михайловском педучилище. Говорили: «Закончите 10 классов,а образования у вас не будет, а закончите педучилище - будете с профессией» .Тогда я своей головой подумала -буду поступать. А еще в районной газете прочитала, что в Михайловском педучилище учеников не набирается.

Но в январе 1941 года отменили занятия в школе, и всех нас сельских школьников отправили рыть противотанковые окопы вдоль реки Медведица за станицей Островская. Девчата и хлопцы по 15 -16 лет долбили ломами и кирками стылую землю, а парни еще и сооружали из бревен дзоты. Окопы были глубокие: 2 метра глубиной, 1метр шириной. Разгоряченные тяжелой работой ребята пили воду из проруби, многие тогда заболевали воспалением легких и умирали. После недели работ у меня поднялась высокая температура, заложило горло, ломило все тело, и болела голова. Думала что, помру, но помогли военные врачи, которые жили в нашем доме.У них были лекарства, антибиотики, и я постепенно выздоровела. Моя мама пекла лепешки в русской печи, варила борщ постный с зажаркой. У нас была корова и мы пили молочко и делали масло. Военная часть стояла тогда возле хутора Прыдки.Мы рыли окопы до февраля 1941года, а в мае 1941года ребят из хутора Прыдки и села Орехово послали

рыть окопы в хутор Тарасов и село Бурлук. Настроение у всех было тревожное. И 22 июня по радио объявили : «Война». В октябре 1941года моего отца забрали на фронт. В конце июня 1942 года пришла родителям повестка: «Собраться школьникам с продуктами и вещами к мостику села». Родители ревут, думая, что детей забирают на фронт, дети тоже плачут, расставаясь с родными. Всего оповестили из хутора человек пятнадцать школьников, половина из них девчата. Мы с подругой Тайкой пришли к нам домой.Я говорю маме:«Мама, собирай продукты, завтра поедем под Сталинград рыть окопы!» «Ох! ты горе!»- мама всплеснула руками, но бросилась замешивать тесто из кукурузной муки.-«Ну шо ще покласты? Ось -сала шматок, маслице, меду, яблук визьми»- мама закружилась по кухне.«А шо ж ты не збираешься?» - спросила мама Тайку.«Да нам и нечего складывать, Анисья Федоровна» -Тайка опустила голову.«Вийзьми ось коржив кукурузных, хвате на двох, може и Совет подсобит». Мама моя, маленькая в беленьком платочке собрала все продукты в полотняную сумку. Прыдковский сельский совет выделил подводы и пару лошадей, сопровождающим назначили Дорощенко Федора Ивановича, который вернулся с фронта без руки. Зарезали овцу на пропитание, и погрузили котомки с продуктами на телеги. Со мной были мои прыдковские девчата: Фисенко Мария, Наумова Мария, Приходько Таисия, Еремеева Прасковья. Маршрут дали только сопровождающему, а нам не говорили куда едем. Помню только проехали село Раздоры. Хлопцы и девчата шли пешком, изредка, те, кто сильно уставал, присаживались на телегу. Ночевали в поле, сначала в стоге сена, потом в брошенном свинарнике. Когда стали подходить ближе к Сталинграду, то услыхали гул, и увидали яркие вспышки. Будто майская гроза вдали, но сердце замирало от страха. Жара стояла в июле 1942 года, туша овцы стала портиться и когда пришли в хутор Верхние Липки, то и черви поползли. Но мясо варили и делали похлебку, и никто не отравился. К месту назначения стали подходить еще хлопцы и девчата из других сел. Так нас собралось человек пятьдесят. Принял школьный отряд военный, он же определил для нас место, где мы будем ночевать, он выдал нам лопаты и рассказал, чем мы будем заниматься. Нас разместили в сараях, где раньше стояли коровы, спали мы на соломе. С раннего утра до позднего вечера мы рыли окопы и даже во время бомбежки. Окружающая местность была ровная, ни лесочка. На западе, в районе Сталинграда виднелось красное зарево. Самолеты летали низко, и видно было кресты на крыльях. Рядом с нами была железнодорожная станция Липки и элеватор. Ночью прилетели бомбардировщики и бомбили, элеватор загорелся, было трудно дышать и все кашляли. Долго еще в воздухе стоял удушливый запах горелого зерна. На второй день опять прилетели самолеты, гул был страшный, закладывало уши, а потом посыпались бомбы прямо на нас, к счастью никто в этот день не пострадал. Мне показалось, что я видела, как немецкий

летчик смотрит на нас и смеётся. Ночью все небо, словно звездами было заполонено самолетами. Станция Липки была разбита, сгорело стадо овец. У подруги Тайки была зашита в кофту молитва «живая помощь», а я в последний момент переписала молитву и тоже зашила с карман. Бомбили в основном вечером, из наших земляков погибли две девчонки из села Лобойково. Через два дня приехали их матери, причитали в голос, девчонок погрузили на телегу и увезли. Мы тоже плакали и, ложась спать, нащупывая листочки с молитвой, шептали: «Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на которого я уповаю! Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение -истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей

во мраке, заразы, опустошающей в полдень» Военные приезжали каждый день, и учили нас копать специальные окопы сложной конструкции. Мы не знали, для чего такие сооружения, но копали, как нам говорили. Так прошло два месяца, и в конце августа мне пришли мысли об учебе. Нет, я уже не думала о смерти, мне хотелось еще жить и учиться, ведь скоро сентябрь. «Тайка, что делать будем, скоро учеба начнется, нужно в педучилище поступать, - шептала я Тайке, - давай сбегать?» Ну, куда бежать девчатам одним? Митька, шестнадцатилетний хлопец из нашего хутора, услышав наш шепот, понял, что мы задумали. «Я с вами. Дорогу знаю, со мной не пропадете»- твердо сказал он.Митька сказал, что бежать лучше ночью, чтобы никто не видел. «За деревней Верхние Липки - Фролово, а там прямой путь до Даниловки» -убеждал он нас. Впоследствии мы узнали, что через 2 дня после нашего побега, 25 августа отпустили всех подростков по домам. Ночью 23 августа наша отчаянная троица тихо вышла из сарая. Сначала мы бежали, спотыкаясь о земляные комья и обгоревшие бревна, потом успокоились, пошли шагом, не оглядываясь, и к рассвету разглядели дорогу. А утром, к счастью, нас «подобрала» военная машина и довезла до хутора Дорожкин, а там мы перешли вброд реку Медведица, и пришли в хутор Прыдки. Я, как чувствовала, что нужно быстрее попасть домой, мама моя лежала в горячке, заболела мышиной лихорадкой. Отчего-то все кошки передохли, и хутор заполонили крысы, переносчики инфекции. Целую неделю у мамы держалась высокая температура, она металась в бреду, не узнавала меня, еле, еле выжила. Сначала мы лечили её своими средствами, в Даниловке был врач,а на чём ехать? Я отваривала полынь, поила настоями из трав. Опять же выручили военные врачи. Давали какие-то антибиотики, по моему стрептомицин. Дом наш был большой и чистый, поэтому в просторной горнице расположились командиры военной части и лежали раненые бойцы. Из всех военных, которые жили в нашем доме, я запомнила добродушного капитана Ахмета -татарина, он очень переживал за маму и доставал ей не только лекарства, но и продукты. Когда в июле 1942 года линия фронта приблизилась к Сталинграду,

Михайловское педучилище перевели в село Лобойково в здание школы. Поэтому я решила отнести документы в училище, всё ближе идти- это километров десять. Документы у меня приняли и сказали, что с 10 класса принимают на второй курс без экзаменов и меня зачисляют, только проведут собеседование. Я вернулась в Прыдки, и неделю жила дома, поскольку мама еще была слабой и не вставала. Мне нужно было управляться с хозяйством, корову доить, ухаживать за больной мамой. Через неделю я пошла опять в Лобойково, а навстречу весело идут девчата из станицы Островской:«Ой! Дуська, нам в этом училище не учиться, учителей много, науки сложные, якысь-то педагогики непонятны, вертайся Дуська!» Но я решила идти дальше , а навстречу идет тетя из села Лобойково: «Ты шо умнее всех?»И я вернулась с ними назад. Через неделю маме стало лучше, она стала выздоравливать и говорит:«Не слухай никого Дуся ,иды вчися» А меня тут обида взяла: «Неужели, думаю, мы такие все глупые?» А те девчонки со станицы Островская вернулись в училище. Я пошла опять в село Лобойково, зашла в класс, нашла себе место, села за стол. Сижу, а руки стали, как лёд , дрожат . Стали выкрикивать фамилии:«Таможникова здесь?» «Да» - ответила я, и поняла, что меня не исключили. Так, пока шла война, я стала продолжать учебу. В октябре за парты сели 137 студентов педучилища. Сначала я жила у дальних родственников. На субботу и воскресенье приходила домой. В воскресенье мама готовила мне мешок, в который складывала продукты. У нас была своя корова, поэтому мама наливала молоко в бутылку, в банки масло, творог, пекла хлеб. Родственницу звали Груня, у неё был сын, лет тринадцати, Лёнька. Я сама себе готовила, и кушала свои продукты, но стала замечать, что кто-то ворует у меня: то сало отрежет, то картошки меньше станет в мешке. А еще Ленька умудрялся ябедничать своей матери, говорил, что я с борща весь жирок собираю, а ему постный достается. Такой был поганец! Однажды я пришла домой пораньше и увидела, что Лёнька роется в моём мешке. После этого я съехала на квартиру к другим людям. В 1943 году был освобожден Сталинград, и педучилище снова вернулось в Михайловку. Остались учиться только трое девчат из Даниловского района, которые упорно продолжали образование. В Михайловке мы с Тонькой снимали квартиру, а на каникулы ездили домой или добирались, кто как мог. Куда деваться? А это 100 км - туда два идти. Выходили из Михайловки вечером в и шли до ночи, просились ночевать. Так месяц жили, но если бы паек в училище не давали-то разбежались бы все ученики. Каждый день давали нам 400грамм хлеба и два раза похлебкой кормили и платили деньги. А хлеб стоил на базаре 100 руб за один килограмм. Я собрала хлеба и купила маме туфли красивые .Она говорила, что никогда таких туфелек не носила, вспоминает до сих пор. Домой я приходила, чтобы набрать продуктов и проведать маму. Праздники соблюдались, на октябрьские отпускали на три дня. Мы собирались втроем и шли домой, у кого луковица, у кого хлеб.

Хлеб был не из чистого зерна-из кукурузы, еще какие-то злаки добавляли-мешанка, но такой был вкусный этот хлеб! На базаре продавали ломтиками тыкву поджаренную, тоже вкусно было. Одна женщина продавала котлеты, её муж работал в колбасном цехе, котлеты дорого стоили. Маленькие котлеточки, но она давала мне бесплатно, у нее был сын и она меня метила невестой для сына. У нас с мамой в Прыдках во время войны было хозяйство, мы сажали кукурузу, картошка была своя. Была одна проблема, как нести продукты-тяжело было самой нести, довезти не с кем было. Один раз я решила поехать на велосипеде, так думалось, легче будет добираться, а тут дождь, грязь, велосипед еле «дотянула» до села Плотникова, там бросила велосипед у чужих людей. Они меня и накормили, и напоили, а на обратном пути я велосипед забрала. В те послевоенные годы я даже не задумывалась о том, что кто-то не пустит меня переночевать, и не накормит. Добрых и отзывчивых людей было тогда много. Но почему-то запомнилось грустное. Учиться было тяжело, хотелось домой, на занятиях слипались глаза- так хотелось спать. Но вот наступило время практики, и я попросилась работать в село Орехово. Я купила себе тапочки за 40 рублей, а тут как раз пошел дождь. Тапочки мои расползлись, подруги дали мне калоши, но по дороге из Михайловки я натерла ноги до пузырей, пузыри полопались, и вот с забинтованными тряпками ногами я пришла в Ореховскую школу. Такая вот учительница! Работала я с удовольствием, хотя учительница, у которой я проходила стажировку была вредная, нагружала меня тетрадками, и я каждый день ходила с этими тетрадками домой в хутор Прыдки. В 1944 году я закончила педучилище, и была назначена учителем в село Прыдки, и стали меня величать Евдокия Васильевна. А некоторые ученики были мои ровесники и даже старше меня, но хотели научиться грамоте, понимали, что наступает время грамотных людей.Мы зажили хорошо, деньги платили регулярно. В конце 1944 года меня направили на курсы военруков под Михайловку. Там мы жили в палатках, изучали винтовку, военные нам читали лекции, и в хутор Прыдки я уже вернулась заведующей школой и военруком. В августе 1945 года меня направили на курсы заведующих школами в город Камышин. Удивительно, но в то время в магазинах Камышина были продукты: масло, колбаса, молоко, хлеб и овощи. В мае мы всей школой радовались Победе, но кто-то плакал по погибшим родным. В хутор стали возвращаться отцы и братья, их было очень мало. Многие женщины хутора остались вдовами, им было очень тяжело выживать.В ноябре месяце пришел отец, это была необыкновенная радость для всех! Отец сразу устроился на работу дорожным мастером в Даниловку. Еще до войны он с двумя классами образования окончил строительное училище в Астрахани, и теперь мы получали и деньги, и пайки.

В 1947 году я вышла замуж за военного врача Зайвого Ивана Ефимовича, и мы переехали в хутор Каменный, где я работала заведующей школы, а муж был

главным врачом в больнице. В 1949 году у меня родилась дочь Светлана. И когда Светочка подросла, я ей рассказала о трудных военных и послевоенных временах в моей жизни. Как же я была рада, что мои воспоминания интересны дочери. А значит история не затеряется, не забудется.